

Абрам Исакович Першиц: Труды и Дни (1 марта 1923 г. – 1 октября 2007 г.)

Ю.И. Семенов

Абрам Исакович Першиц родился 1 марта 1923 г. в Москве в семье служащего. В 1939 г. поступил на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и одновременно стал учиться экстерном в Московском юридическом институте. На истфаке он уже вскоре проявил задатки инакомыслия: с юношеской запальчивостью публично осудил официальную оценку деяний и личности Ивана Грозного. От исключения его спасло лишь заступничество именитого друга. С началом Великой Отечественной войны вследствие близорукости, от которой он страдал всю жизнь, не был призван в армию и продолжал учебу. После окончания МГУ в 1944 г. поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР. Им была подготовлена и в апреле 1948 г. защищена кандидатская диссертация на тему “Племенной состав и родоплеменная организация кочевников Северной Аравии в XIX – первой четверти XX в.”

В обстановке развернувшейся борьбы против “космополитизма” в Москве его никуда на работу не брали, и он вынужден был искать ее в провинции, где в то время диплом кандидата наук котировался столь высоко, что нередко перевешивал “пятый пункт”. С июля 1948 г. А.И. Першиц – старший преподаватель кафедры истории СССР Кабардинского педагогического института (одновременно он заведовал сектором этнографии местного научно-исследовательского института); в сентябре 1949 г. Министерство высшего образования СССР переводит его в Бухарский пединститут, где он занимает такую же должность и одновременно исполняет обязанность заведующего кафедрой. После почти годичного перерыва, когда он оставался без работы, становится старшим преподавателем кафедры истории Бийского учительского института, где работает до закрытия отделения истории. После смерти Сталина А.И. Першиц наконец-то получает возможность вернуться в Москву и поступить в Институт этнографии, где работает с 1953 г. младшим, а с 1958 г. – старшим научным сотрудником сектора Передней Азии. В 1961 г. стал заместителем главного редактора

Юрий Иванович Семенов — доктор исторических наук, профессор кафедры философии Московского физико-технического института.

журнала “Советская этнография”, но уже в следующем году был снят с должности решением Идеологической комиссии ЦК КПСС. Однако членом редколлегии журнала он оставался в течение четверти века. В 1971 г. защитил докторскую диссертацию “Оседлое и кочевое общество в Северной Аравии в новое время (проблема исторических контактов)”, в апреле 1972 г. Президиум ВАК присудил ему ученую степень доктора исторических наук.

Но его «звездный час» начался несколько раньше, когда по его инициативе и настоянию нового директора Института этнографии Ю.В. Бромлея в 1967 г. была создана группа первобытной истории, а сам он назначен ее руководителем. В середине 1974 г. группу преобразовали в сектор истории первобытного общества, а А.И. Першиц стал первым и, скажу, забегаая вперед, последним его заведующим. Так был создан первый в истории исторической науки (историологии) специальный научный центр, занимавшийся историей первобытности. История первобытного общества впервые получила официальное признание.

Судьба этого раздела исторической науки складывалась крайне своеобразно. Многие, если не все вообще профессиональные историки всегда категорически настаивали на том, что понятие истории полностью совпадает с понятием писаной истории. «Историей, – отмечал, например, крупный немецкий востоковед Г. Винклер, – мы называем то развитие человечества, которое засвидетельствовано письменными документами, которое передано нам в слове и письме. Все, что лежит до этого, относится к эпохе доисторической. История, следовательно, начинается тогда, когда нам становятся известными письменные источники» (Винклер 1913: 3).

В западной науке ни сама история первобытности, ни наука о ней, как правило, никогда не именовались историей. В ходу были другие названия: доистория, преистория, праистория, протоистория и т.п. И употреблялись эти слова в основном не для обозначения подлинной историологии первобытности, которой там по существу не было и нет, а для работ, в которых рисовалась картина развития и смены первобытных археологических культур. Термин «история» в применении к первобытности использовался в основном лишь в советской науке. Но и это не выдерживалось до конца последовательно. Многие советские ученые, прежде всего археологи, часто пользовались терминами «доистория» и «праистория».

И такое отношение к историологии первобытного общества имеет под собой глубокие основания. Она действительно существенно отличается от историологии классового, или цивилизованного, общества. Сразу же для полной ясности замечу, что словосочетание «история первобытного общества» объединяет два разных периода. Один из них – длившаяся примерно с 1,8 млн лет до 40–35 тысяч лет тому назад эпоха становления человека и общества (антропосоциогенеза), эпоха пралюдей, праобщества и праистории. Другой – начальный этап истории готового, сформировавшегося человеческого общества, охватывавший время примерно от 40 тыс. лет до 5 тыс. лет, когда появились первые классовые, цивилизованные общества. Исследование развития праобщества, праистории можно назвать праисториологией, исследование

истории настоящего первобытного общества – палеоисториологией, изучение истории классового общества – неоиристиологией. Качественное отличие праисториологии от неоиристиологии сразу же бросается в глаза. Развитие праобщества шло под действием не только социальных, но и биологических законов. Эволюция готового, сформировавшегося первобытного общества, как и развитие классового общества, определялась исключительно социальными закономерностями. Тем не менее между этими двумя основными этапами истории готового, сформировавшегося человеческого общества имелись существенные различия, что определяло и различие между палеоисториологией и неоиристиологией.

Об одном из этих различий уже было сказано: неоиристиология, в отличие от палеоисториологии, является писаной историей. Но главное заключается в том, что эти два раздела исторической науки изучают отдельные конкретные общества (социоисторические организмы) двух качественно отличных типов: первая исследует общества, базирующиеся на территории, – геосоциальные организмы, которые принято называть государствами, или странами, вторая – общества, основанные на личном членстве индивидов, и поэтому мобильные, подвижные – демосоциальные организмы, а именно первобытные общины и их различного рода объединения (подробнее об этом: *Семенов 2003а: 21–34*). Из этого вытекают и другие различия.

Историология цивилизованного общества прежде всего имеет дело с индивидуальными историческими событиями и конкретными историческими деятелями. Историология первобытности не исследует ни индивидуальные исторические события, ни деятельность конкретных лиц. И дело вовсе не в том, что последняя из-за отсутствия письменных источников не располагает данными обо всем этом. Суть в том, что первобытные социоисторические организмы столь малы, что в них исторических событий в нашем понимании этого слова не происходит. Там имеют место лишь быденные, бытовые события, описывать которые не имеет никакого смысла.

Недаром же этнографы, изучающие живые первобытные общества, описывают не события, происходящие в них, а обычаи, ритуалы, нравы и т.п., иначе говоря, не отдельное, а общее. Если в их трудах речь и заходит о конкретных действиях отдельных лиц, групп, наконец, всех членов демосоциального организма, то все это служит лишь иллюстрацией к общим положениям. Таким образом, первобытная историология в принципе не может быть нарративной, не может описывать единичные события и отдельных лиц.

Но, как известно, неоиристиология занималась исключительно описанием единичных событий и действий исторических лиц лишь на первых порах. В последующем в поле ее зрения оказались вначале общественные порядки той или иной страны, а затем изменения этих порядков. Необходимостью стало изучение истории общественного строя, вначале политического, затем социально-экономического. Здесь уже нельзя было обойтись объединением единичных фактов, созданием идеефактуальных картин. Требовалось создание вначале эмпирических концепций, а затем и подлинных теорий (*Семенов 2004: 3–36*). Наряду с нарративной историологией стала

возникать частная и общая теоретическая историология. Таким образом, произошел переход от создания одних лишь картин эволюции отдельных конкретных обществ к творению схем развития человеческого общества в целом и этого же общества вообще. Этот процесс концептуализации историологии так до сих пор и не завершился. Если в физике давно утвердилось как совершенно законное деление исследователей на физиков-экспериментаторов и физиков-теоретиков, то фигура историка-теоретика для историологии до сих пор совершенно чужда. Достаточно отметить, что курсы теоретической историологии, в отличие от курсов истории Древнего Востока, античного мира, средних веков, нового и новейшего времени, источниковедения и других вспомогательных дисциплин, до сих пор нигде у нас не читаются.

Таким образом, невозможность нарративной палеоисториологии сама по себе еще не исключает возможности существования историологии первобытного общества вообще. Она в принципе возможна как наука о развитии социального строя первобытного общества. Но тут же неизбежно возникает вопрос об источнике, из которого исследователь первобытности мог бы получить данные о социальном строе общества, существовавшего в дописьменную эпоху. Существует археология первобытности, но она сама по себе мало что может сказать об общественных порядках. Это, кстати, относится и к археологии цивилизованного общества.

Археология свидетельствует, например, что примерно с XXIII в. до н.э. по XVIII в. до н.э. в бассейне Инда существовало классовое общество – цивилизация Хараппы, или Индская. Но индская письменность до сих пор остается нерасшифрованной. Поэтому об общественном строе этого цивилизованного общества мы можем только догадываться. Мы не знаем, была ли Индская цивилизация системой конкретных классовых обществ (социоисторических организмов) типа городов-государств Шумера или одним крупным единым социоисторическим организмом, подобным Раннему царству Египта. Тем более мы ничего не знаем ни об одном из правителей этого или этих обществ, о событиях, которые происходили в течение пяти веков существования данной цивилизации.

Точно так же долгое время обстояло дело с Микенской цивилизацией (XVI–XII вв. до н.э.), пока М.Дж.Ф. Вентрисом не было положено начало дешифровки крито-микенской письменности. Эти письменные источники не дают нам сведений о конкретных событиях, происходивших в эту эпоху, но воссоздать сущность социального строя Микенского общества они позволяют.

В XII в. Микенская цивилизация пала: запустели города, были разрушены дворцы, исчезла письменность. Цивилизация и вместе с ней письменность снова возникли на территории Греции только в VIII в. до н.э. И хотя археологами период с XII в. до н.э. по VIII в. до н.э. на юге Балканского п-ова изучен не хуже, чем время до этой эпохи и после нее, историки недаром именуют его «темными веками». Какие конкретно социоисторические организмы в эту эпоху там существовали, каков был их общественный строй, какие события в них происходили, науке не известно: отсутствуют письменные свидетельства.

Роль, в значительной степени сходную с той, какую играют для неисториологии письменные источники, выполняют для палеоисториологии данные этнографии. Этнография, или этнология (на Западе ее сейчас принято именовать социальной антропологией) возникла во второй половине XIX в. Она первоначально имела два объекта исследования: 1) сохранившиеся к тому времени первобытные (включая предклассовые) общества; 2) традиционное крестьянство классовых обществ Европы. Соответственно она подразделялась на две во многом самостоятельные научные дисциплины – этнографию первобытности и этнографию крестьянства (подробнее об этом: Семенов 1998а). К рассматриваемой проблеме имеет отношение лишь одна из них – первобытная этнография.

С чисто формальной точки зрения этнография не может быть отнесена к числу исторических наук. Она изучает не прошлое, как историология, а настоящее. Этнографы, в противоположность историкам, всегда вели полевые исследования, в ходе которых изучали реально существующие в наше время первобытные общества. Но настоящее, с которым имеют дело этнологи, одновременно является и прошлым: прошлым для большей части человечества. Этнологи изучают такое прошлое, которое существует в настоящем, такое настоящее, которое одновременно есть и прошлое. Недаром же этнографию нередко именовали наукой о живой старине.

Этнография, таким образом, изучает первобытные общества, но вовсе не те, которые должна исследовать история первобытного общества. Различие между этими двумя видами первобытных обществ, конечно, давно уже осознавалось, но лишь имплицитно. Эксплицитным это различие впервые сделал А.И. Першиц. В первой главе созданной сектором коллективной монографии «Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (Проблемы исторических контактов)» (М., 1978.) он раскрыл, с одной стороны, общее, а с другой, – различия между первобытными обществами, какими они были до возникновения цивилизаций, и первобытными обществами, какими они стали после этого перелома в ходе человеческой истории, предложил первые именовать *апополитейными* (от греч. *apo* – до, *политейя* – государство, цивилизация), а вторые – *синполитейными* (от греч. *син* – существующий одновременно).

Апополитейные и синполитейные первобытные общества не только отличаются друг от друга, но и сходны, ибо относятся к одному и тому же общему стадийному типу общества. Синполитейные социоисторические организмы, которые изучала этнография, находились не на одном, а на разных этапах развития первобытного общества. Это и делает возможным использование материалов о синполитейных первобытных обществах для воссоздания истории апополитейного первобытного общества. Я намеренно использовал слово «воссоздание» и сознательно привел словосочетание «апополитейное первобытное общество» в единственном, а не во множественном числе. Использовать данные этнографии для реализации указанной выше цели можно только одним способом: нужно на их основе нарисовать картину развития первобытного общества вообще. А это означает – выявить внутреннюю необходимость

развития первобытного общества, т.е. создать теорию первобытного общества.

Таким образом, развитие историологии первобытного общества идет путем полностью противоположным эволюции историологии цивилизованного общества. Там развитие науки шло от описания единичных конкретных событий к созданию картины развития общественного строя тех или иных конкретных обществ, затем развития тех или иных типов классового общества и лишь в конце концов – к творению картины развития классового общества вообще. Здесь же оно идет от реконструирования на базе данных этнологии развития первобытного общества вообще к воссозданию на основании данных иных наук о первобытности (археологии первобытности, палеоантропологии, палеогеографии и т.п.) картины развития комплекса аполоитейных первобытных обществ в том или ином регионе, а затем и в масштабах всего земного шара. Воссоздание развития тех или иных первобытных социоисторических организмов является пока для палеоисториологии недостижимой целью.

Ни первобытная археология, ни палеоантропология сами по себе не в состоянии нарисовать картину развития общественных отношений первобытности. Это может сделать только этнология. Не все этнологические концепции являются теориями первобытной истории. Но любая подлинно научная теория первобытной истории может быть только *этнологической* и никакой другой.

Самые общие, предельно общие взгляды на развитие первобытного общества зародились еще до появления этнографии, но на материалах о синполитейных первобытных обществах. Первая схема развития первобытного общества возникла как часть общей схемы развития человечества. В знаменитом труде А. Фергюсона «Очерк истории гражданского общества» (1767) впервые нашла свое четкое выражение и разработку первая научная унитарно-стадиальная концепция всемирной истории (Семенов 2003а), в которой в качестве этапов восходящего развития человечества выступили дикость, варварство и цивилизация. Два первых этапа были стадиями развития первобытности: первый – этапом господства общественной, коллективной собственности на средства производства и вообще весь общественный продукт, второй – этапом перехода от коллективной собственности к частной. В целом это совпадает с современным подразделением истории первобытности на стадии собственно первобытного и предклассового общества. А. Фергюсон впервые создал концепцию первобытного коммунизма (хотя, конечно, он этот термин не использовал: и слово «коммунизм», и словосочетание «первобытный коммунизм» появились лишь во второй половине XIX в.). Но это была лишь самая общая схема развития первобытного общества.

Подлинная теория, а тем самым и история первобытного общества могла возникнуть лишь после появления и оформления этнографии. Создана она была, разумеется, этнологом. Им был великий американский ученый Л.Г. Морган. Его замечательная работа «Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877) положила начало новому разделу исторической науки – историологии первобытного общества. Таким образом, палео-

историология возникла спустя 2500 лет после появления неоиориологии.

Работа Л.Г. Моргана возникла в русле господствовавшего в то время в этнографии и археологии эволюционизма. А затем в западной науке начался крутой поворот к эмпиризму и антиэволюционизму. Здесь прежде всего действовали социальные причины. Крупнейший американский этнолог XX в. Л.О. Уайт писал: «Использование эволюционной теории вообще и теории Л. Моргана, в частности, К. Марксом и радикальным социалистическим рабочим движением вызвало сильную оппозицию со стороны капиталистической системы. Вследствие этого антиэволюционизм стал символом веры определенных слоев общества... Он стал философией оправдания церкви, частной собственности, семьи и капиталистического государства подобно тому, как “социальный дарвинизм” стал философским оправданием безжалостной эксплуатации в промышленности» (White 1959: 109).

Историология первобытного общества, в отличие от историологии классового общества, абсолютно невозможна без теории. Поэтому победа эмпиризма в западной науке означала прекращение ее существования. Теория первобытного общества, созданная Л.Г. Морганом, была несовершенной, в ней имелись ошибочные моменты. Но критиковали ее не столько за эти недостатки, сколько за то, что она была теорией.

Так, А.Р. Рэдклифф-Браун в работе «Исследование систем родства» подвергает резкой критике то, что он вслед за мыслителем XVIII в. Д. Стюартом именуется методом воображаемой истории (conjectural history). Именно в применении этого метода он видит главный порок основного труда Л.Г. Моргана. В его «Древнем обществе» дается не реальная история, а воображаемая. А.Р. Рэдклифф-Браун считает, что в использовании исследователями такого метода заключается главное препятствие на пути к созданию «научной теории человеческого общества» (Radcliff-Brown 1965: 49–51). При этом он совершенно забывает, что Д. Стюарт, который ввел термин «воображаемая история», рассматривал его как полностью тождественный термину «теоретическая история». А.Р. Рэдклифф-Браун выступает здесь как чистый эмпирик. Говоря о теории, он совершенно не понимает ее сущности. Ему даже не приходит в голову, что теория всегда есть умозрение, что создание ее совершенно невысказано без воображения, без фантазии. Теоретическая история в этом смысле всегда есть воображаемая история.

В результате поворота к эмпиризму и антиэволюционизму западная историческая наука осталась без палеоисториологии. В известной степени первобытная историология начала было возвращаться с появлением неоеволюционизма (Л.А. Уайт, Э.Р. Сервис, М. Салинс, М.Г. Фрид и др.), но решающего переворота не произошло. Историология первобытности так на Западе и не возродилась. Самый последний пример. Первый том вышедшей под эгидой ЮНЕСКО и переведенной на русский язык «Истории человечества», вопреки своему названию – «Доисторические времена и начало цивилизации» (М., 2003) – целиком посвящен первобытности в самом широком смысле этого слова. Но никакой истории общественных отношений там нет и в помине. Том состоит из множества разделов: «Археология раннего и позд-

него плейстоцена в Европе», «Западная Азия в конце среднего палеолита до начала производства пищи», «Появление человека в Америке», «Окультуривание растений: общий обзор», «Центральная и Северная Азия в эпоху неолита», «Мегалитические памятники Европы» и т.п.

Вполне понятно, что и после исчезновения палеоистории изучение синполитейных первобытных обществ на Западе продолжалось. Как бы ни определяли специалисты по социальной антропологии предмет своей науки, вплоть до 50–60-х годов XX в. все принимали как само собой разумеющееся, что основным объектом ее изучения являются существующие в наше время (живые) первобытные общества (см., напр.: *Beteille* 1998). Но в конце XX в. началось обвальное исчезновение первобытных обществ, что лишило социальных антропологов их прежнего объекта. Традиционная этнология из науки о живой старине стала стремительно превращаться в науку только о прошлом. Но большинство антропологов не захотело с этим мириться и начало искать иные объекты исследования в современности. Изучение первобытности если и не прекратилось полностью, то значительно сократилось. Статьи о первобытных обществах стали все реже появляться на страницах западных этнологических периодических изданий (подробнее об этом: *Семенов* 1998а, 1998б). Помню, как на мой вопрос о причинах этого явления известная английская этноложка грузинского происхождения Тамара Драгадзе лаконично ответила: «Юрий Иванович, за первобытность не платят».

В советской этнографической науке идея развития безраздельно господствовала в этнографии и археологии. Книга Л.Г. Моргана пользовалась всеобщим признанием. Но при всем этом нельзя не сказать, что и в СССР историология первобытности большинством профессиональных историков если не формально, то фактически не считалась законным разделом исторической науки. Ее чаще всего числили и числят за археологией первобытности и за этнологией, причем в большинстве случаев – за последней. Ни в одном собственно историческом научно-исследовательском учреждении никогда не было подразделения, занимавшегося историологией первобытности. Не было их ни в археологических, ни в этнологических научных учреждениях. Собственно и сам термин «история первобытного общества» имеет в нашей науке довольно позднее происхождение. Если говорить о книгах с таким названием, то первая из них, насколько мне известно, появилась лишь в 1939 г. Это первая часть учебного пособия для вузов, написанная крупным археологом, чл.-кор. АН СССР, профессором Ленинградского государственного университета В.И. Равдоникасом (вторая часть пособия увидела свет в 1947 г.). Правда, в учебных программах исторических факультетов университетов и педагогических институтов курс истории первобытного общества числился. Но преподавать его было крайне трудно: практически не было никаких пособий.

Когда А.И. Першиц после защиты кандидатской диссертации занялся поисками работы за пределами Москвы, то его, конечно, брали на работу не потому, что он был этнографом. Никакую этнографию в пединститутах не преподавали, и этноло-

ги там были совершенно не нужны. Привлекало руководство периферийных вузов лишь наличие у А.И. Першица степени кандидата исторических наук, что было тогда в провинции редкостью. Ему поручали чтение самых разных исторических курсов и прежде всего, разумеется, лекций по первобытной истории. Читая эти лекций, он постепенно сам увлекся этой наукой. На своем горьком опыте он убедился в бедственном положении этого раздела исторической науки. И мысли о необходимости преодоления этого положения его не покидали и тогда, когда он вернулся в Москву и получил возможность заниматься прежней своей темой – исследованием общественного строя кочевников Аравии.

Все это побудило его, с одной стороны, добиваться создания научного центра, который специально занялся бы исследованием истории первобытности, с другой, написанием полноценного учебника истории первобытного общества. И реализовать свои замыслы ему удалось. В 1967 г. была создана группа первобытной истории, а в 1968 г. увидел свет учебник «История первобытного общества». А.И. Першиц прекрасно понимал, что история первобытного общества – комплексная наука, что для воссоздания достаточно полной картины первобытности необходима опора на данные не только этнологии, но обязательно также – палеоантропологии и археологии. Взяв на себе роль организатора, Абрам Исакович привлек к сотрудничеству антрополога В.П. Алексеева и археолога А.Л. Монгайта. Их совместный труд оказался более чем удачным. В 1974 г. вышло второе издание учебника, в 1982 г. – третье, в 1990 г. – четвертое, в 1999 г. – пятое, в 2004 г. – шестое (авторами трех последних значились только В.П. Алексеев и А.И. Першиц). При этом каждый раз учебник с учетом новых данных науки дорабатывался (вначале в основном, а затем – после смерти соавторов – исключительно) А.И. Першицем. Признанием заслуг Абрама Исаковича в деле преподавания истории первобытности было присвоение ему в 1988 г. ученого звания профессора.

После появления учебника, созданного усилиями прежде всего А.И. Першица, и преобразования руководимой им группы в сектор Института этнографии термин «история первобытного общества» окончательно утвердился в нашей исторической науке.

Историей первобытного общества в Институте этнографии занимались, конечно, и раньше. Еще до 1967 г. в нем было создано и опубликовано немало работ, относящихся к данной тематике (Семенов 2003б). Но при всем этом исследования первобытности во многом являлись личным делом тех или иных ученых. Они не были в достаточной степени организованы. В какой-то степени координацию этих исследований наряду со своей главной задачей – обсуждением теоретических проблем этнографической науки – осуществляла группа общей этнографии, возглавляемая заместителем директора института М.Г. Левиным. Но эта группа была лишь совокупностью ведущих работников разных секторов, которую собирали от случая к случаю.

Сектор истории первобытного общества никогда не был велик. Более или менее постоянное его ядро составляли шесть человек – Абрам Исакович Першиц, Лев

Абрамович Файнберг (1929–1993), Лев Евгеньевич Куббель (1929–1988), Анатолий Михайлович Хазанов, Виктор Александрович Шнирельман и Юрий Иванович Семенов. С момента создания группы и вплоть до смерти в ней работал замечательный этнограф Борис Осипович Долгих (1904–1971). Кроме того, в секторе в разное время трудились Борис Алексеевич Фролов (1939–2005), Норайр Бадамович Тер-Акопян (1926–2007), Эстер Самуиловна Годинер, Ольга Юрьевна Артемова, Елена Ивановна Деревянко, Клара Петровна Калиновская и Владимир Рафаилович Кабо. Лаборантами сектора были Марина Цолаковна Арзаканян и Ирина Леонидовна Бабич. К настоящему времени обе они стали докторами исторических наук.

Этот единственный в стране центр по изучению истории первобытного общества и проблем общей этнографии, просуществовав в течение четверти века, внес неоценимый вклад в историю отечественной и не только отечественной науки. И главная заслуга в этом принадлежит А.И. Першицу, который подобрал коллектив из самостоятельно мыслящих и хорошо знающих свое дело исследователей и умело им руководил. Члены сектора были вольны придерживаться самых различных взглядов, причем не только по конкретным вопросам первобытности, но по проблемам общей теории и методологии истории. Одни члены сектора были убежденными сторонниками материалистического понимания истории, другие относились к нему скептически, предпочитая иные подходы, что не только не мешало, но, наоборот, способствовало успеху деятельности сектора. В нем царила атмосфера взаимного уважения и доверия. Заведующий сектором никому не пытался навязывать свою точку зрения. Он ограничивался лишь советами, к которым все прислушивались, но вовсе не обязательно принимали. А.И. Першиц был прекрасным критиком и замечательным редактором. Его редакторские замечания всегда были к месту. Автор даже тогда, когда первоначально они были ему не очень по душе, тщательно продумав, приходил в конечном счете к выводу, что учет их будет в огромной степени способствовать улучшению работы.

А.И. Першиц был довольно осторожным человеком, но когда дело касалось новых научных идей, выдвигаемых сотрудниками сектора, то даже не будучи с ними полностью согласен, он всегда старался добиться их обнародования в печати. Хорошо помню, с каким упорством он добивался от директора и Ученого совета института включения в сборник «Становление классов и государства» моей статьи, посвященной запретной в то время теме – знаменитому «азиатскому» способу производства, и в конце концов добился своего. Правда, ничего из этого не вышло. Руководители издательства «Наука» допустили сборник к печати только тогда, когда крамольная работа была заменена другой, внешне более невинной. А.И. Першиц был человеком со сложным характером; в институте далеко не все его любили. Но мы с ним все годы совместной работы (а я вошел в состав в начале группы, затем сектора в 1972 г.) прекрасно ладили. Он был человеком на своем месте. Именно такой руководитель сектору и был нужен.

В результате усилий А.И. Першица сравнительно небольшой группой людей за

считанные годы было создано огромное количество первоклассных работ. Вышли в свет коллективные монографии и сборники: «Разложение родового строя и формирование классового общества» (М., 1968. 356 с.); «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса» (М., 1973) «Первобытное общество. Основные проблемы развития» (М., 1975. 286 с.); «Становление классов и государства» (М., 1976. 349 с.); «Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (Проблемы исторических контактов)» (М., 1978. 301 с.); «Исследования по общей этнографии» (М., 1979. 279 с.); «Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества» (М., 1979. 168 с.); «Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе» (М., 1985. 253 с.); «Этнографические исследования развития культуры» (М., 1985. 263 с.), «Исследования по первобытной истории» (М., 1992. 236 с.). К этому списку нужно добавить словарь «Социально-экономические отношения и соционормативная культура» (М., 1986. 239 с.) и совместную монографию А.И. Першица, Ю.И. Семенова и В.А. Шнирельмана «Война и мир в ранней истории человечества» (Т. 1–2. М., 1994. 176 с., 247 с.).

Помимо участия в сборниках и коллективных трудах почти всеми сотрудниками сектора за время работы в нем были подготовлены и опубликованы индивидуальные монографии: *Л.А. Файнберг* – «Очерки этнической истории зарубежного Севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия)» (М., 1971. 279 с.), «Индейцы Бразилии. Очерки социальной и этнической истории» (М., 1975. 235 с.), «У истоков социогенеза: От стада обезьян к общине древних людей» (М., 1980. 153 с.), «Охотники Американского Севера: Индейцы и эскимосы» (М., 1991. 179 с.) и его совместная с М.Л. Бутовской книга «У истоков человеческого общества. Поведенческие аспекты эволюции человека» (М., 1993. 255 с.); *Л.Е. Куббель* – «Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя» (М., 1974. 431 с.) и «Очерки потестарно-политической этнографии» (М., 1988. 270 с.); *Ю.И. Семенов* – «Происхождение брака и семьи» (М., 1974. 309 с.), «На заре человеческой истории» (М., 1989. 319 с.) и «Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество». Ч. 1–3 (М., 1993. XVI+710 с.); *Б.А. Фролов* – «Первобытная графика Европы» (М., 1992); *А.М. Хазанов* – «Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей» (М., 1975. 343 с.) и «Золото скифов» (М., 1975. 143 с.); *К.П. Калиновская* – «Возрастные группы народов Восточной Африки» (М., 1976. 159 с.) и «Очерки этнологии Восточной Африки» (М., 1995. 359 с.); *В.А. Шнирельман* – «Происхождение скотоводства» (М., 1980. 333 с.) и «Возникновение производящего хозяйства» (М., 1989. 444 с.); *Э.С. Годинер* – «Возникновение и эволюция государства в Буганде» (М., 1982. 152 с.); *В.Р. Кабо* «Первобытная земледельческая община» (М., 1986. 303 с.); *О.Ю. Артемова* – «Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным)» (М., 1987. 197 с.); *Н.Б. Тер-Акопян* – «Первобытное общество. Проблемы теории и истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса» (М., 1991. 248 с.).

Н.Б. Тер-Акопяном была подготовлена к печати и издана ранее никогда не пу-

бликовавшаяся на русском языке классическая монография Л.Г. Моргана «Лига Ходеносауни, или ирокезов» (М., 1983). А еще раньше, в бытность его сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, им был подготовлен к изданию 45-й том Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (1975), в который вошли конспекты К. Маркса книг М.М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (1879); Л.Г. Моргана «Древнее общество» (1877), Г.С. Мейна «Лекции по древней истории институтов» (1875) и Дж. Леббока «Происхождение цивилизации и первобытное состояние человечества» (1870).

Помимо монографий работниками сектора было написано множество статей, опубликованных в различного рода изданиях.

Сотрудники сектора впервые в нашей стране начали детальное исследование социально-экономических отношений, организации власти и системы норм первобытного общества. Ими были созданы фундаментальные труды в таких областях этнографической науки, как экономическая этнология (на Западе она именуется экономической антропологией), потестарная этнология (политическая антропология), нормативная этнология (правовая антропология). Но, пожалуй, важнейшим вкладом сектора в науку о первобытном обществе было создание первой и единственной в научном мире многотомной истории первобытности. В течение всего лишь пяти лет было подготовлено и вышло в свет три больших тома – «История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза» (М., 1983. 432 с.); «История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины» (М., 1986. 573 с.); «История первобытного общества. Эпоха классовообразования» (М., 1988. 565 с.). В них были подведены итоги исследований в этой области, которые велись не только в отечественной, но и в мировой науке. Этот трехтомный труд до сих пор остается самым авторитетным источником знаний в сфере первобытной истории. Инициатором его создания, руководителем авторского коллектива и фактическим главным редактором всех трех томов был, разумеется, А.И. Першиц. Он же был руководителем авторских коллективов всех перечисленных выше сборников и совместных монографических исследований и их главным (а нередко фактически и единственным) редактором.

Разумеется, А.И. Першиц был при этом не только руководителем и редактором, но и автором. Во всех указанных выше коллективных монографиях имеются написанные им главы, во всех сборника – статьи. В частности, им написаны многие важные разделы первого и третьего томов «Истории первобытного общества».

Всего А.И. Першицем было написано (частично в соавторстве) и опубликовано более 100 обстоятельных научных работ, среди которых, помимо названных выше, особо выделяется превосходная монография «Хозяйство и общественный строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX в.» (М., 1961. 224 с.). Кроме того, им написана масса статей в различных энциклопедиях, словарях и справочниках, а также множество заметок, рецензий и т. п. Часть их была заказана за рубежом или переведена на английский, немецкий, французский, итальянский, испанский, араб-

ский, китайский и другие языки. А.И. Першиц – исследователь широкого профиля: он был крупнейшим специалистом не только в истории первобытного общества, но и в области востоковедения (этнография арабов), кочевниковедения, кавказоведения, этнологии права. Среди его работ наибольший интерес представляют публикации по общественному строю бедуинов и вообще кочевников, источниковедению и периодизации первобытной истории, различного рода остаткам первобытности в классовую эпоху, данничеству и другим ранним формам эксплуатации, нормативной этнологии, народным традициям кабардинцев и балкарцев. Ряд впервые введенных им в обращение понятий (апополитейные и синполитейные первобытные общества, первобытная мононорма, геронтоимия) вошел в этнологическую и частично в юридическую науки.

В сборниках, подготовленных и изданных сектором, публиковались работы не только его членов, но сотрудников других отделов института, а также иных научных и учебных заведений. Особенно много ученых было привлечено к работе при подготовке всех трех томов «Истории первобытного общества». В этом смысле сектор был центром, вокруг которого объединялись многие отечественные ученые, занимавшиеся историей первобытности и общими теоретическими проблемами этнографии. Соответственно его руководитель был ведущей фигурой в области историологии первобытного общества.

После упразднения сектора первобытной истории, что произошло в начале 1992 г., А.И. Першиц становится главным научным сотрудником отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. С 1994 г. он – главный научный сотрудник-консультант, в начале 1996 г. полностью переходит на пенсию, что отнюдь не означало прекращения им активной научной работы. Ею он занимался до самой смерти. За последовавшие после ухода на пенсию десять с лишним лет им были подготовлены пятое и шестое издания учебника «История первобытного общества» и написан ряд блистательных статей: «Мононорматика и начальное право» (Государство и право. 2000. № 1; 2001. № 9), «У истоков эксплуатации» (Восток. 2005. № 1), «Полиюридизм у народов Северного Кавказа» (Восток. 2007. № 1) и др.

Ликвидация сектора истории первобытного общества (о причинах этого см.: Семенов 2003б) не только задержала, но и на много лет отбросила назад развитие историологии первобытности не только в нашей стране, но и за ее пределами. Но наука об истории первобытности, конечно, не исчезнет. Историческая наука рано или поздно не сможет ограничиваться исследованием всего лишь последних пяти тысячелетий истории человечества, игнорируя 35 тысяч лет истории сложившегося первобытного общества и предшествующие ей 1,8 млн лет формирования человеческого общества. Без детального исследования истории праобщества (праистории) и истории первобытного общества невозможно понять историю человечества в целом, историю цивилизованного общества в частности. И когда такие исследования продолжатся, с неизбежностью будут востребованы результаты работы сектора истории первобытного общества Института этнографии АН СССР. Только опираясь на

этот фундамент, можно будет успешно строить здание историологии первобытности. И, разумеется, будущие исследователи первобытности с благодарностью вспомнят А.И. Першица – создателя и бессменного руководителя этого уникального научно-исследовательского центра.

Литература

- Винклер* 1913 – *Винклер Г.* Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М., 1913.
- Семенов* 1998а – *Семенов Ю.И.* Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // *Этнограф. обозрение.* 1998. № 2.
- Семенов* 1998б – *Семенов Ю.И.* Предмет этнографии (этнологии) и проблема его соотношения с предметом социальной антропологии // *Наука о культуре и социальная практика: Антропологическая перспектива.* М., 1998.
- Семенов* 2003а – *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003.
- Семенов* 2003б – *Семенов Ю.И.* О моем «пути в первобытность» // *Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология: 1980–1990-е годы.* М., 2003.
- Семенов* 2004 – *Семенов Ю.И.* Труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» и современная историческая наука // *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. М., 2004.
- Beteille* 1998 – *Beteille A.* The Idea of Indigenous People // *Current Anthropology.* 1998. Vol. 39. № 2.
- Radcliff-Brown* 1965 – *Radcliff-Brown A.R.* The Study of Kinship Systems // *Radcliff-Brown A.R.* Structure and Function in Primitive Society. N.Y.; L., 1965.
- White* 1959 – *White L.A.* The Concept of Evolution in Cultural Anthropology // *Evolution and Anthropology: A Centennial Appraisal.* Wash., 1959.